

— Помнишь, что я тогда сказал? — Су Цюн выжидательно посмотрел на Линь Фу.

Линь Фу задумчиво улыбнулся.

— Я помню тот случай, но никак не могу вспомнить лицо человека, с которым разговаривал... Оказывается им был ты. Пожалуй, тот знак любви я подарил не зря.

Су Цюн сначала счастливо улыбнулся, но потом вдруг скис.

— Тебе было всего пять, как ты мог... Ты... ты не должен был просто так подходить ко всякому прохожему и говорить, что хочешь жениться на нем.

— Быть такого не могло, — расплылся в улыбке Линь Фу.

Су Цюн немного расслабился. Но тут коварный Линь Фу добавил:

— Я хотел предложить выйти за меня только красивым прохожим. Помнится, по телевизору говорили как-то так.

Су Цюн снова поник.

— ...О.

— Но за все эти годы я встретил только одного красивого человека, — продолжил Линь Фу.

Все еще несчастный маленький бог бедности задумался.

— Получается, ты даже не запомнил, как я выгляжу.

— Я бы хотел навсегда запечатлеть твой образ в своем сердце, но маленькие дети быстро все забывают, — Линь Фу нежно потряс Су Цюна за руку. — Не сердись на меня. Хорошо, маленький брат?

И этот "маленький брат" из уст взрослого Линь Фу был тихим и притягательным, совсем не похожим на звонкий детский голосок, звавший так Су Цюна двадцать два года назад. Но сейчас, как и тогда, сердце Су Цюна растаяло.

Маленький бог бедности в панике прижал ладонь к сердцу и пропищал:

— Не называй меня так...

— Почему мне нельзя называть тебя маленьким братом? — коварно хихикнул Линь Фу и наклонился к уху Су Цюна. — Маленький брат, маленький брат, ты мне так нравишься! Куда же ты убегаешь, маленький брат?

Застенчиво прикрыв уши, Су Цюн отбежал в другой угол комнаты, подальше от ехидно улыбающегося Линь Фу.

Кровать была собрана. Сяо Чжан пристально разглядывал ее, всем своим видом показывая, что его не волнует происходящее в комнате.

'Ох-ох-ох~ Боже ж мой, ах-ах-ах~'

— Президент Линь, кровать готова, — одинокий волк Сяо Чжан спокойно повернулся к Линь Фу.

'Дайте мне поскорее покинуть это место жестокого обращения с волками'

— Хорошо, — Линь Фу тут же стал серьезным. — Возвращайся.

Сяо Чжан, после такого издевательства оставшийся почти без моральных сил, поспешил откланяться.

— До свидания, президент Линь.

В комнате остались только Линь Фу и Су Цюн. Линь Фу достал из коробки пуговицу со своей школьной формы и подошел к Су Цюну.

— Ладно, не суетись... Я помню, у меня были такие же пуговицы. На выпускной в старшей школе я повесил куртку на дверь и пошел в туалет. А когда вернулся, то обнаружил, что второй пуговицы не хватает. Тогда я еще подумал, что ее отрезала какая-то девушка, а оказывается это был ты.

В средней школе, где учился Линь Фу был обычай: считалось, что вторая пуговица на школьной форме ближе всех к сердцу, так что, кому бы ни отдал ее владелец формы, это бы значило, что тот человек глубоко в его сердце. И на выпускных у популярных учеников школы все вторые пуговицы обычно растаскивали поклонники.

Что же до того, почему этот обычай был так популярен в школе Линь Фу, так это, скорее всего, было просто напросто из-за того, что школьная форма застегивалась на пуговицы. Если бы она, как спортивная одежда, застегивалась на молнии, вряд ли бы такой обычай стал популярен.

— Я стащил пуговицу, пока ты не обращал внимания... — Су Цюн в смущении закрыл лицо руками. — Тебя, наверное, многие просили о ней, но мне... не хотелось делить тебя ни с кем другим.

— Получается, ты влюбился в меня еще тогда? — улыбнулся Линь Фу и погладил пуговицу.

35

После полудня лениво пели цикады.

Ученики сдали вступительные экзамены в колледжи и без дела ждали церемонии вручения дипломов, которая должна была пройти во второй половине дня.

Солнце палило нещадно. Линь Фу снял форменную куртку и накинул ее на плечи. Попивая воду со льдом, он шел в тень деревьев за спортивной площадкой.

В свои восемнадцать он был высок, но все еще как подросток худощав. Руки его под короткими рукавами рубашки были худы, но обладали четко очерченными гладкими линиями мускулов. Лицо юноши было красиво и юно, что, естественно, делало его персоной привлекательной.

Горячий летний ветер дунул пылью в лицо Линь Фу, и тот, прищурившись, отвернулся. Его взгляд невольно выхватил смутную фигуру человека, замершего за забором позади школы.

Чтобы Линь Фу не запомнил его, Су Цюн надел маску и кепку, так что можно было увидеть только его глаза. С нетерпением и счастьем он ждал, когда Линь Фу пересечет спортивную площадку и подойдет к нему поближе.

Из-за того, что он принудительно изменил судьбу Линь Фу, когда тому было десять, в последние восемь лет Су Цюн страдал от ответной реакции божественного провидения, так что вид имел не лучший. Тощее, почти сдуваемое ветром, тело его было одетого в когда-то голубую футболку, теперь застиранную до свекрающей белизны. В руках он держал мешок для сбора пустых пластиковых бутылок. Около школ для такого занятия было как раз самое злачное место: мешок был уже наполовину полон, и бутылки проглядывали сквозь прозрачный целлофан.

Линь Фу остановился в тени дерева всего в нескольких шагах от Су Цюна и окинул его взглядом, особо заострив внимание на мешке в его руках.

Су Цюн смутился так, что щеки у него под маской запылали. Он поспешил развернуться и пойти прочь.

— Постой, — вдруг окликнул его Линь Фу. Он быстро допил воду из бутылки и подошел к забору. Там он поднял брошенную кем-то бутылку и с доброй улыбкой протянул ее сквозь щель

Су Цюну. — Вот.

— ...Спасибо, — тихо поблагодарил его Су Цюн и поскорее бросил бутылки в мешок, словно они жгли ему пальцы.

Линь Фу улыбнулся как-то криво, но ничего не сказал и просто вернулся к дереву. Там он нашел чистое местечко и присел, тут же уткнувшись в телефон в ожидании начала церемонии.

Су Цюн, собиравшийся уйти, застыл, заворуженно глядя на профиль Линь Фу.

Сердце его колотилось.

"Восемь лет назад мы не виделись друг с другом, вот и сейчас не стоило этого делать", — подумал Су Цюн.

Ему понравился красивый и уверенный в себе Линь Фу и его добрый взгляд. Казалось, куда бы этот человек не пошел, он везде нес бы за собой свет.

В тот же день вторая пуговица с формы Линь Фу была украдена.

"Он дал мне бутылки, а я украл пуговицу с его одежды. Я просто ужасен..." — причитал маленький бог бедности, который в первый раз в жизни что-то украл. Он прятался за деревом на спортивной площадке и крепко прижимал украденную пуговицу к тяжело вздымающейся груди.

Снедаемый совестью, он боялся даже взглянуть на свой трофей. Он мог лишь вытащить из кармана леденец и дрожащими пальцами положить его в рот.

Наконец все ушли с площадки на церемонию. Только теперь Су Цюн осторожно разжал ладонь и еще теплая его добыча сверкнула на солнце. Затаив дыхание, он приложил ее к груди. Туда, где билось его сердце.

<http://bllate.org/book/13799/1218049>